

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ,
ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ
НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА APPLE****С.С. ОЛЕСЬКО****(Представлено: П.В. СОЛОВЬЁВ)**

В данной статье интересы личности, общества и государства рассматриваются сквозь призму такого базового понятия как конституционно-правовой баланс. На фоне показательного примера с делом Apple автор демонстрирует то, насколько зачастую парадоксально нетипичные ситуации возникают в плоскости столкновения конституционно-правовых интересов личности, общества, государства в сфере информационных правоотношениях и как они разрешаются на практике.

На современном этапе развития юридической науки и практики весьма незначительное внимание уделялось вопросу об ограничении интересов (прав и свобод) личности. На научных просторах Беларуси, а также ряда зарубежных стран имеется заметный дефицит глубоких и комплексных знаний по названной тематике, ввиду чего уместным будет провести настоящее исследование.

Конституционно-правовой баланс интересов личности, общества и государства есть состояние уравновешенности конституционно-правовых интересов личности, общества и государства. Эта категория относится к базовым принципам конституционного права. В информационных правоотношениях принцип сбалансированности конституционно-правовых интересов личности, общества и государства проявляется в поддержании равновесия в защите интересов названных субъектов. Названный принцип – ни равенство, ни одновесность понятий, в нём отсутствовал бы смысл, если интересы личности, общества и государства не конкурировали между собой, а интересы личности не могли быть ограничены. В данной связи принцип сбалансированности играет роль средства защиты конституционно-правовых интересов каждого субъекта.

Основу ограничения интересов личности заложила Конституция Республики Беларусь, что вполне справедливо, ведь, в отличии «от других нормативных актов, Конституция является Основным Законом» [1, с. 62]. Её структура далеко неслучайна. Так, весьма интересно, что раздел II поименован как «личность, общество, государство». И последовательность указанных слов совсем не хаотична. Первична личность, а вот общество и государство вторичны – так провозгласила Конституция, поставив тем самым в приоритет интересы личности. Вместе с тем, И.И. Пляхимович пишет: «конституционное право ведущих государств вступает на такую стадию, когда привычные принципы не могут приниматься без оговорок» [2, с. 6].

Символично, что преамбула расположена именно в начале белорусской Конституции. Тем самым она сохранила в себе всё то, что стремился донести до нас народ при её принятии. Ведь неслучайно народ прошлого поколения указал в ней о своём стремлении утвердить права и свободы каждого гражданина и возложил обязанность по исполнению данной задачи на государство. Неспроста государство ответственно перед гражданином за создание условий, способствующих свободному и достойному развитию личности, а тот, в свою очередь, – перед государством за беспрекословное исполнение Конституции и её законов.

Как государство, так и его каждый гражданин всегда должны следовать данному *условию*, соблюдая тем самым двустороннюю договорённость. Государство действительно обязано создать соответствующие условия для гражданина, но только в том случае, если последний ответственно следовал закону. Вместе с тем, государство может рассчитывать на исполнение гражданином своих конституционных обязанностей лишь при условии, что им самим для того было сделано всё необходимое. Названное условие необходимо расценивать как правило ограничения интересов личности, соблюдение которого является необходимым критерием для конституционности ограничения интересов личности.

Особо интересно, что в тексте Основного Закона Беларуси, в частности, в разд. II, часто фигурирует термин «каждый». При этом он употребляется лишь в единственном числе, как и термин «личность». Тем самым, на наш взгляд, был продемонстрирован особый характер взаимоотношений личности с обществом и государством, называемый *индивидуализированным*. Думается, поэтому человек, его права, свободы и гарантии их реализации явились высшей ценностью и целью общества и государства [3], как это прописано в ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь. Исходя из существа такой нормы, интересы личности были поставлены во главу угла и определены как вектор для продвижения интересов общества и государства. В соответствии с нормой ч. 1 ст. 2 Конституции Беларуси, интересы общества и государства, в чём бы они не заключались, всегда должны соответствовать интересам личности как цели, в достижение которой они реализуются. Из сказанного выше следует, что между личностью и обществом, личностью и государством существует двусторонняя связь, определяющая их взаимную ответственность. Выходит, в каждом случае без исключения подход должен быть свой, индивидуальный, ведь каждая личность по-своему уникальна, она представляет собой необычайную ценность для общества и государства. Данное правило является ещё одним необходимым условием конституционности ограничения интересов личности.

В ст. 23 Конституции Республики Беларусь зафиксированы конституционные основы ограничения интересов личности, а в ст.ст. 24-27, 34, 63 и др. – пределы его осуществления. Необходимо отметить, что норма ст. 23 одна из немногих имеет прямое действие и подлежит непосредственному применению, ввиду чего характер её толкования имеет существенное значение для правоприменительной деятельности.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Основного Закона, ограничение интересов личности допускается только в *исключительных случаях и целях, составляющих исчерпывающий перечень*. В частности, ограничение интересов личности допускается только тогда, когда оно напрямую предусмотрено «законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [3]. Любое другое *основание*, нежели здесь прописанное, не может расцениваться как законное. Весьма справедливо в этом ключе пишет учёный А.Н. Пугачёв: ограничение интересов личности есть «исключительные меры, предусмотренные законом, и только в тех пределах, в каких это необходимо» [4, с. 221]. Из существа тезиса можно вычлени два важнейших правила ограничения интересов личности:

- 1) такое ограничение должно быть условным, т.е. носить исключительный характер;
- 2) оно должно осуществляться в определённых пределах, устанавливаемых специально в каждом случае, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Это значит, что иные варианты (основания, условия, правила, случаи и цели) не могут приниматься в обоснование ограничения интересов личности.

Исключительный характер ограничения интересов личности определяется посредством реализации т.н. *презумпции большего вреда*. Думается, что именно поэтому суды, приговаривая человека к смертной казни, произносят ту звучную фразу: «именем Республики Беларусь... приговаривается к исключительной мере наказания». Тем самым государство иллюстрирует то, что уже никакие другие варианты не способны сохранить устои белорусской государственности непоколебимыми. Рассуждая на тему ограничительных норм, С.А. Горшкова заметила: нормы такого характера вводятся исключительно с «целью установления равновесия между правами отдельных граждан и интересами общества и государства в целом» [5, с. 83–84].

Возвращаясь к вопросу об исключительности, необходимо пояснить один немаловажный аспект о применяемых *мерах ограничения*. Напомним о том, что А.Н. Пугачёв придавал особое значение характеру исключительности при избрании мер, направленных на ограничение интересов личности. Так, связывая в едином узле такие характерные понятия как исключительность ограничения интересов личности, а также индивидуализированность её взаимоотношений с обществом и государством, можно определить то, какие именно меры ограничения должны применяться к конкретной личности. Доскональный анализ названных категорий показал, что меры, направленные на ограничение интересов личности, должны соответствовать:

- 1) правовому статусу личности;
- 2) принципу разумности, заключающемуся в максимальной защите интересов общества и государства при одновременном минимальном ущемлении интересов личности.

Не требующим доказывания является тезис о том, что всё имеет свои пределы. В этой связи следует констатировать, что ограничение интересов любой личности также должно иметь свои *пределы*. Практика правоприменительной деятельности не только Беларусь, но и многих зарубежных стран свидетельствует, что давно набушевавшим является вопрос об определении пределов ограничения интересов личности. В первую очередь, это связано с тем, что пределы ограничения ставят «жирную точку» во всех тех действиях общества и государства, которые направлены на ограничение интересов личности, однако по своим целям и мерам их достижения не соответствуют Основному Закону, а значит и противоречат интересам личности. Выполняя сдерживающую функцию, пределы ограничения интересов личности проводят некую параллель в конституционности вторжения интересов общества и государства в сферу интересов личности. В данном случае ключевую роль в определении таких пределов должны занимать следующие факторы:

- продолжительность,
- меры,
- цели.

В случае, если ограничение интересов личности осуществлялось не по правилу ч. 1 ст. 23 Основного Закона Беларуси, применению подлежат его праввосстановительные положения, в частности, ч. 3 ст. 59, в соответствии с которой непосредственно государственные органы, должностные и иные лица, которым было доверено исполнение государственных функций, несут ответственность за действия, нарушающие права и свободы личности. Вместе с тем, – заметил Н.И. Матузов – каждая личность должна «строить свое поведение в соответствии с требованиями Основного Закона, блюсти общий интерес, исполнять свой долг, уважать права» [6, с. 44] и свободы других, а иначе – отвечать в соответствии с законом. Однако названное правило касается не только личности, но также общества и государства. Б.С. Эбзеев утверждает [7, с. 60], что использованный в преамбуле Основного закона термин «ответственность» в данном случае составляет основу основ конституционного строя. Он определяет фундамент взаимоотношений народа и государства, последнее из которых должно обеспечивать охрану личности, её жизни и здоровья, имущества и прав.

Вышеуказанные аспекты всегда должны учитываться при ограничении интересов абсолютно любой личности. В то же время, юридическая практика разворачивает картину в пол оборота. Так почему же тогда современная практика показывает совершенно иную, абсолютно противоположную по смыслу картину, а соблюдение провозглашённого приоритета интересов личности – скорее идеализированное исключение, нежели реалистичное правило? Суть сказанного справедливо раскрыта в следующих строках: и так должно быть, // но нет на самом деле – // предписано веками перемен: // всё то, чего мы так давно хотели, // уж не достигло стольких поколений смен. Высока вероятность, что и последующие поколения в подобной эпопее встретят свой век.

Рассмотрим, как могут быть расставлены приоритеты в конфликте интересов личности, общества и государства на примере дела «Apple». Так, в конфликте интересов, с одной стороны, выступала компания Apple, смартфонами которой пользуются граждане, с другой – США, требующее от этой компании создать программное обеспечение, позволяющее получать доступ к информации, которая хранится на смартфонах их пользователей.

Тем самым США хотело получить возможность свободного доступа к информации, хранящейся на смартфоне любого пользователя, в целях обеспечения национальной безопасности, а также общественного порядка. Этим государство противопоставило свой и общественный интерес интересам каждой отдельной личности. Получается, государство выбирало между свободным доступом к информации, хранящейся на смартфоне любого пользователя, и обеспечением тайны его личной жизни. В данном случае на чашу весов были поставлены такие блага как национальная безопасность и общественный порядок – с одной стороны, конституционное право на тайну личной жизни – с другой. Причём в действительности интересы общества и государства защищались в первую очередь, а вот интересы личности – уже потом.

Так противостоят интересы личности, общества и государства. Хоть компания Apple и была обязана предоставить США в соответствии с решением суда программное обеспечение для получения информации со смартфона пользователя, тем не менее её получение должно было осуществляться при неукоснительной защите конституционных положений о тайне личной жизни. Таким образом, вопрос следовало решать так, чтобы интересы не только общества с государством, но и личности были удовлетворены.

К несчастью, практика показала другое. Приходится констатировать, что консенсус между Apple и США так и не был достигнут. По заданию США хакеры взломали смартфон компании Apple, получив тем самым возможность доступа к информации, содержащейся в любом таком устройстве, преодолевая таким образом конституционное право на тайну личной жизни. С точки зрения личности, это значило только то, что государство защищало исключительно свой и общественный интерес – национальную безопасность и общественный порядок. О защите интереса личности речь не шла, поэтому её право на информационную безопасность было ограничено, хотя реальной необходимости в том не было. Тем самым в данном случае государство продемонстрировано то, чьи интересы для него были более важными, а чьи – менее.

Очевидно, что в действительности так быть не должно. Достигнув определённой договорённости, можно было разработать такие механизмы, с помощью которых раскрылась бы только та информация, которая содержит или может содержать сведения об угрозе национальной безопасности и общественному порядку. Предоставление сведений было бы выборочное, благодаря чему права пользователей не были бы ограничены бесосновательно.

Нет сомнений, что защита национальной безопасности и общественного порядка как основания, как цели ограничения интересов личности в данном случае не являлись обоснованными. Ведь совершенно нет смысла получать доступ к информации, содержащейся в смартфонах всех пользователей разом, ущемляя этим их конституционное право, на это должны быть веские причины, которых, увы, по факту не было. Из теории права известно, что, предоставляя личности определённое право, государство создаёт новый режим правового регулирования, в соответствии с которым ограничение данного права является отступлением от обычного режима правового регулирования.

Государство, конечно, при ограничении тех или иных интересов личности может избирать принцип особой значимости своих и общественных интересов, но только в случае гарантирования удовлетворения интересов этой личности. Наш пример показал другую картину, где интересов личности удовлетворено не было, а защищались интересы исключительно двух субъектов – общества и государства. Это означает, что конституционный принцип сбалансированности не соблюдался.

Следует отметить, что ранее историй, подобных этой, не было. Однако, уже через небольшое время юридической практике стал известен новый казус, произошедший в 2018 году, – т.н. дело Telegram против Российской Федерации, которое сегодня стало первой глобальной историей подобного рода. Оно является прецедентным, а его последствия – очень важными как для Российской Федерации, так и ряда иных стран. Неслучайно Европейский Суд по правам человека в последние годы испытывает всё больший интерес к вопросам, связанным с интернетом и правовым регулированием сети.

Возвращаясь к вопросу о правилах ограничения интересов личности, необходимо провести анализ соответствия приведённого дела Apple предложенным критериям ограничения. Начать следует с ответа на вопрос: был ли случай с Apple исключительным? Небесспорный вопрос. Вместе с тем, Н.С. Бондарь

[8, с. 134] поясняет: государство при ограничении интересов личности действительно может избирать принцип особой значимости своих интересов, однако, в отличие от неё, оно призвано обеспечивать устойчивость обоих как условие их естественного существования, гарантировав удовлетворение интересов той личности как в её единичном, так и концентрированном выражении. Исследуемый пример показал: интересы личности не защищались, а защищались интересы исключительно общества и государства. Тем самым, такой ключевой принцип как сбалансированность конституционно-правовых интересов личности, общества и государства не соблюдался. Как справедливо отмечает И.Н. Маланыч, любое правоотношение устойчиво только тогда, «когда сбалансировано его юридическое содержание – взаимные права и обязанности субъектов» [9, с. 98]. В нашем случае такой сбалансированности не усматривалось.

Помимо того, приходится констатировать, что отсутствовал и индивидуализированный характер во взаимоотношениях личности с государством, поскольку результативного «общения» между ними, которое позволило бы им прийти к консенсусу, не было. В.Н. Влазнев указывает, что государственное управление должно использоваться «не в качестве инструмента диктатора» [10, с. 125], а как средство удовлетворения конституционных потребностей личности, посредством достижения с ней мира и согласия на паритетных началах. Наш пример показал, что государство ставило личность в зависимое положение через фиктивную реализацию презумпции большего вреда, обосновывая ограничение её интересов всеобщим благом.

Отсутствовали и видимые пределы ограничения, а избранные меры не соотносились с намеченными целями. Так, оперируя понятиями национальная безопасность и общественный порядок, государство «куёт оковы», абсолютно не сдерживая себя пределами ограничения интересов личности. Оно избирает те меры, которые по своему характеру являются разумными и соответствуют избранным целям, не отвечая при этом перед личностью за вред, причинённый неконституционным ограничением её прав и свобод. Как отмечает Л.Ю. Грудцына, в последние годы ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная власти реально не ощущают себя связанными правами человека [11, с. 36], провозглашёнными в конституциях, в связи с чем интересы личности постепенно уходят на периферию, создавая «вакантные» места для интересов общества и государства. Объясняя данную ситуацию, П.П. Баранов констатировал, что государствам «ещё предстоит изжить традиции отношения к человеку как к подданному – зависимому и послушному исполнителю» [12, с. 115], навязанные диктаторством прежних «царей».

Проведённое исследование показало, что принцип конституционно-правовой сбалансированности интересов личности, общества и государства в информационных правоотношениях на примере дела Apple объективно не соблюдался. Это ярко проиллюстрировало то, какие тенденции практики правоприменения намечены многими странами современного Мира. Видится, что для отхода от этой тенденции потребуется немалое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю.И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л.М. Энтина. – М. : Норма, 2004. – 832 с.
2. Пляхимович, И. И. Основы конституционного строя: теория института / И. И. Пляхимович ; Белорусский государственный университет. – Минск : Право и экономика, 2008. – 160 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.
4. Пугачёв, А. Н. Конституционное право : учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». В 3 ч. Ч. 2. Основы конституционного строя и правового статуса личности. В 2 кн. Кн. 2. Рекомендации к практическим занятиям / А. Н. Пугачёв, И. В. Вегера. – Новополоцк : ПГУ, 2010. – 344 с.
5. Горшкова, С. А. Дерогация по Европейской конвенции и Россия // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4. – С. 83–84.
6. Матузов, Н. И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 41–48.
7. Эбзеев, Б. С. Личность и государство в России : взаимная ответственность и конституционные обязанности : монография. – М. : Норма, 2007. – 384 с.
8. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия : защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации : монография. – М. : Юстицинформ, 2005. – 592 с.
9. Маланыч, И. Н. Анализ и оценка соотношения интересов личности, общества и государства при конституционном регулировании права граждан на информацию // Юридические записки. Вып. 17. Государственная власть в России : Проблемы осуществления и развития / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2004. – 476 с.
10. Влазнев, В. Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 200 с.
11. Грудцына, Л. Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России : монография / под ред. Н. А. Михалевой. – М. : Деловой двор, 2008. – 352 с.
12. Баранов, П. П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. – 145 с.